

7. Современный философский словарь / Под общей редакцией В.Е. Кемерова. М.: Академический Проект, 2004.

8. Сорокин Питирим. Жизнеописание, мировоззрение, цитаты: за 60 минут. СПб.: Невский проспект; Вектор, 2007.

9. Фельдштейн Д.И. Проблемы психолого-педагогических наук в пространственно-временной ситуации XXI века: Доклад на общем собрании РАО, 2012. URL: [http:// raop.ru/index.php](http://raop.ru/index.php). (дата обращения 15.01.2013).

УДК 91(282.247.42)

ББК Т.3(2)521.1-04

ГСНТИ 03.23.23

Код ВАК 07.00.02

К.И. Зубков

Екатеринбург

**ФОРМИРОВАНИЕ РАННИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
РУССКИХ ЛЮДЕЙ ОБ УРАЛЕ:
РОЛЬ ИМАГИНАТИВНОЙ ГЕОГРАФИИ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: имагинативная география, Урал, мифология, «картина мира», хорография, Гиперборейские (Рифейские) горы, «Земной пояс», «Камень».

АННОТАЦИЯ: В статье анализируются генезис ранних представлений русских об Урале, в котором, наряду с опытными знаниями, важную регулятивную роль выполняли мифологические модели географического устройства мира. Автором на примере ряда источников прослеживается сложный процесс взаимодействия умозрительных конструктов и реальных географических знаний в ходе открытия и освоения Урала.

K.I. Zubkov

Yekaterinburg

**ON FORMING OF THE EARLY RUSSIAN
PERCEPTIONS OF THE URALS: THE ROLE OF
IMAGINATIVE GEOGRAPHY**

KEY WORD: imaginative geography, Urals, mythology, “world vision”, chorography, Hyperborean (Riphei) mountains, “Earth Belt”, “Stone”.

ABSTRACT: The article analyzes the origins of the early Russians’ perceptions of the Urals, in which, together with the experienced knowledge,

the important regulative role belongs to the mythological patterns of the world geographic lay-out. Focusing on the instances of a number of historical sources, the author traces the complicated process of interaction of both speculative constructions and real geographic knowledge in the course of discovery and development of the Urals.

Выдающийся немецкий географ Ф. Ратцель в свое время констатировал существенное различие между «внешней историей» географии, связанной с открытием и исследованием новых земель и морей, и ее «внутренней историей», выдвигающей – подчас раньше всяких реальных географических открытий – теоретические идеи о закономерностях взаимодействия различных частей мира [13. С. 4]. Между тем, при изучении истории формирования географических представлений различных народов об окружающем их пространстве зачастую не проводится должных различий между отражением в них реального, постепенно пополняемого опыта его освоения и теми сформированными культурой, имажинативными (воображаемыми) конструкциями, с помощью которых люди стремились упорядочить собственную «картину мира», сделать более надежным и осмысленным свое существование в ней. К числу таких априорных конструкций Г.С. Кнабе относит, например, характерную практически для всех народов древности дихотомическую модель разделения пространства на знакомое, понятное, освоенное, защищенное («митгард») и чуждое, таящее опасности, неосвоенное, враждебное («утгард») [10. С. 108–109]. Непотъемлемой чертой представлений о собственном – упорядоченном и культурно освоенном – пространстве являлось его отождествление со «срединностью» – центральным, «осевым» положением в системе мироздания. («Мидгард» древних германцев в переводе буквально означает «срединное селение, срединная усадьба»). Такое позиционирование понималось не только географически, но несло в себе глубокий культурный смысл. Так, понятие «срединное царство» (*чжун го*), которым именовали себя в V–III вв. до н.э. четыре китайских царства (Чжао, Вэй, Хань и Ци) и которое в дальнейшем стало применяться к Китаю вообще, служило синонимом принадлежности к «цивилизации» и покровительства небесных сил (отсюда и другое название Китая – *Тянься*, «Поднебесная империя») [15. С. 189, 251]. Идеи, принадлежащие сфере има-

гинативной географии, не только характеризовали уровень географических знаний своего времени, но и выполняли важную регулятивную функцию, определяя доминирующие векторы экспансии народов и государств, а также энергию и настойчивость, с которыми она осуществлялась. Х.Дж. Маккиндер отмечал в одной из своих ранних работ, насколько мощно и судьбоносно на самоощущение англичан и развертывание ими беспрецедентной морской экспансии повлияла резкая смена географической «картины мира», вызванная открытием Америки: являясь прежде островом, помещенным на самом краю Ойкумены и всего мирового «театра политики» (так, в частности, изображены Британские острова на Херефордской круговой карте XIII в.), Британия внезапно осознала себя находящейся в центре огромного мира, где сходятся важнейшие морские пути [19. Р. 1–4]. Подобных фактов, раскрывающих роль регулятивных идей в истории географических открытий, можно привести немало. Самое открытие Америки, как подчеркивал Ф. Ратцель, стало возможным благодаря вдохновившим Колумба предположениям Паоло Тосканелли о существовании весьма непротяженного западного пути в Индию [13. С. 4]. Подобным же образом, настойчивость английских и голландских мореплавателей в поисках Северо-восточного прохода в Индию и Китай вдоль северных берегов Сибири объяснялась будившими воображением, но совершенно неверными картографическими представлениями конца XVI в., согласно которым, идя вверх по течению Оби, можно было легко достичь мифического «Китайского озера» и расположенного близ него города Канбалык (Пекин) [9. С. 36].

В подобном же аспекте можно рассматривать и историю открытия и освоения русскими людьми Урала, ранние представления о котором обнаруживают причудливое переплетение реальной и имажинативной географии, отражений непосредственного, непрерывно пополняемого землепроходческого опыта и устойчивых нарративных клише.

Первыми сведениями о горах, расположенных далеко на северо-востоке Азиатской Сарматии, мы обязаны античным географам, прежде всего, различным спискам «Географии» Клавдия Птолемея (II в. н.э.), с которыми европейцы знакомились благодаря посредничеству Византии. На карте из «Географии» Птолемея, опубликованной в Риме в 1478 г., показана впадающая в Каспий-

ское море река Ра (Волга), которая, в свою очередь, образована слиянием двух рек, стекающих с Гиперборейских гор (*Hyperborei Montes*). Последние, однако, изображены как широтная горная цепь, протянувшаяся с запада на восток вдоль побережья Океана, и в этом виде мало напоминают Уральский хребет [17. Р. 5–6]. Перед нами – наглядная попытка расширить круг известных античному миру (пока что весьма скудных) географических фактов за счет умозрительных построений. Помещая на крайнем северо-востоке Ойкумены горный массив, античные, а за ними и средневековые географы, с одной стороны, пытались таким образом объяснить наличие на равнинах Сарматии стекающих на юг крупных рек, а, с другой, – исходили из общих представлений об устройстве мироздания, рассматривая Землю в виде окруженного Океаном плоского диска, чья твердь стянута по всей окружности непрерывной горной цепью.

Мифический конструкт, объяснявший полноводность Дона и Волги тем, что они собирают в себя водные потоки с высоких северных гор – Гиперборейских или Рифейских, с поразительным постоянством присутствует в большинстве средневековых географических сочинений, описывающих северо-восточный угол Европы. Один из самых ранних таких примеров – хорография Павла Орозия «История против язычников», перевод которой был выполнен в конце IX в. англосаксонским королем Альфредом. Источник отсчитывает восточный край Европы «от реки Даная [Дон], которая стекает с северной части гор Риффенг [Рифейских], лежащих близ того гарсекга [Океана], который зовется Сармондийским [Сарматским]» [2. С. 19, 23]. А один из самых поздних следов вышеуказанной мифологемы, совершенно удивительных в контексте своего времени, мы находим в описании путешествия по России голландца Яна Стрейса (конец 1660-х гг.), который, называя Волгу самой большой и длинной рекой в мире, полагал, что она «берет свое начало в горах Новой земли (?! – К.З.), близ Вайгача...» [3. С. 348].

Эти далекие северные горы рассматривались средневековой географией по большей части как фрагмент горного хребта, опоясывающего земной круг. Особенно впечатляюще эта античная по происхождению идея была развита в раннесредневековой арабской космографии, которая помещала на краях земного диска, омывае-

мого вселенским Океаном (*al-Bahral-Muhit* или *Ukiyanus*) легендарные горы Каф (*Kaf* или *Qaf*), отделенные от мест обитания людей огромными расстояниями и непреодолимыми препятствиями. Горы Каф, по представлениям арабских географов, словно поясом, скрепляют землю и через свои подземные ответвления дают начало всем известным горам [21. Р. 615–616]. Помимо того, что эти представления ранней арабской географии контаминируют с целым сонмом сходных и еще более древних мифологических образов древних греков, персов и индийцев, они оказываются поразительно прочно связанными и со средневековой европейской традицией. Когда в XVI в. смутный образ Гиперборейских или Рифейских гор в географических сочинениях западноевропейцев начал привязываться к локализации тех или иных реально существующих горных систем, элементы мифологии по-прежнему окрашивали эту реальную географию. Семантически они, несомненно, присутствуют в обозначении Урала как «Земного пояса». На карте России, выгравированной А. Хиршфогелем по сведениям Сигизмунда Герберштейна (1546), мы обнаруживаем первое в Европе отчетливое (но не совсем точно ориентированное по сторонам света) изображение Уральских гор, обозначенных как «Горы, называемые Земным поясом» (*Montes Dicti Cingules Terre*) [17. Р. 69].

Горы Каф арабских сочинений выступали не только элементом географической «картины мира», но и символическим рубежом, отделяющим обитаемый и благоустроенный мир людей от чуждого, таинственного, полного опасностей мира потусторонних существ [18. Р. 24–28]. В этом же контексте следует рассматривать созданный христианской и мусульманской хорографией образ окружающей Землю непреодолимой горной стены, отделяющей народы цивилизованного круга от народов «нечистых», отверженных Богом и запертых до Судного дня (Гог и Магог христианской космографии, Яджудж и Маджудж мусульманских географов). Этот фантастический конструкт, похоже, всецело владел умами средневековых географов и путешественников. Так, знаменитая «Записка» (*рисала*), повествующая о путешествии ибн-Фадлана в Волжскую Булгарию (921–922), упоминая земли современного Приуралья (аль-Башгирд, Вису), совершенно умалчивает о наличии в этой части света каких-либо гор – кроме той расположенной в шести месяцах пути от Булгара, соседствующей с морем мифи-

ческой горной стены с запечатанными воротами, которая отделяет страну Вису от народов Яджудж и Маджудж [7. С. 76]. В 1517 г. Матвей Меховский первым из европейских географов отверг как баснословные представления о связи истоков больших русских рек с Гиперборейскими и Рифейскими горами. Он убеждал современников и в том, что «в тех лежащих у Северного океана областях Скифии нет больших горных вершин, есть лишь утесы и горы средней величины» – настолько незначительной, что можно сказать, что «югры вышли из рощ и густых лесов, а не из недоступных гор». Между тем, польский географ еще всецело находился в плену мифа, когда описывал пространственную ориентацию этих невысоких гор, снабдив свой рассказ, к тому же, совершенно фантастическими деталями: «На горы у океана, невысокие *по всему северному побережью* (курсив мой. – К.З.), из моря взбираются рыбы, называемые морж (morss), держась и цепляясь зубами за гору, они таким образом облегчают себе подъем, а достигнув вершины, двигаются дальше, катятся и падают по другую сторону горы» [1. С. 116, 118].

Печать этих отличавшихся поразительной живучестью и нормативной силой мифологических представлений об окружающей землю горной стене несут и первые дошедшие до нас летописные известия о знакомстве русских людей с Уралом. Летописный рассказ Гюряты Роговича о походе новгородцев в Югру (1096), дополняющий описание разорительной, рождавшей эсхатологические предчувствия серии половецких набегов на Русь [5. С. 92–93], настолько изобилует фантастическими деталями, что заставил в свое время С.М. Соловьева отнести его к известиям «детски легковверных путешественников» [14. С. 74]. Из реалистических деталей рассказа Гюряты можно упомянуть разве что описание непривычно суровых, устрашающих отрогов Северного Урала, перечисление народов, с которыми контактировали новгородцы в этой части света (печора, югра, самоедь), установившийся между ними обычай «немой» торговли. Во всем остальном перед нами ярко расцвеченный парафраз легенды о «нечистых» народах, запертых до Судного дня медными воротами в горах, на краю света, ужаснувшимся их облика Александром Македонским. Причудливое смешение реальности и вымысла предопределено здесь уже тем, что рассказ Гюряты отражает не непосредственные впечатле-

ния новгородцев, а лишь полученные ими вторичные сведения: как следует из летописи, безымянный «отрок» Гюряты сам так и не доходил до описываемых высоких гор, а узнал о них от югры, обитавшей в это время и на западных склонах Урала. При внимательном прочтении летописного рассказа мы узнаем также, что запертые в горах «человеки нечистыя», которые издают «клич велик и говоръ» и «секоть гору, хотяч(е) просечис(я)», не отождествляются в рассказе ни с югрой, ни самоядью, оставаясь анонимным символом потустороннего. Вместе с тем, сквозь ткань христианской легенды просвечивают отдельные детали описания (образ горной гряды, смыкающейся с небесами; просеченное в горах «оконце малое»), которые позволяют связать их с представлениями угорской мифологии о крае света и границе между мирами [20. Р. 20–21, 31–32]. Не вполне ясна из летописного рассказа ориентация высоких северных гор по сторонам света. То, что они заходят в «луку моря» (Байдарацкая губа Карского моря? – К.З.), как будто указывает на их протяженность по меридиану (хотя в реальности Северный Урал так и не доходит до моря). В то же время представление о том, что эти горы отделены от обитаемых земель непроходимыми «пропастями, снегомъ и лесомъ», через которые надо пробираться в северном направлении («идуше на полунощью»), воскрешает уже знакомый нам мифообраз горной системы, вытянутой вдоль морского побережья.

Еще более раннее летописное свидетельство (1032) о походе новгородцев под предводительством Улеба (Ульфа Рагнвальдссона) к «Железным вратам» [6. С. 52] оставляет много неразрешимых загадок по поводу локализации этого места. Независимо от того, прав ли был С.М. Соловьева, помещая «Железные врата» близ зырянского городка Карил («городовой холм»), в 80 верстах к югу от Усть-Сысольска (ныне Сыктывкар) [14. С. 206], сама семантика названия указывает на место, которое мыслилось границей между знакомым, обитаемым миром и мраком неизвестности. Хотя название «Железные врата» относится к числу топонимов, «мигрировавших» в ходе культурной истории Евразии в широчайших пределах – от Кавказа (Дербентский проход, или Баб аль-Абваб мусульманских географов; Дарьяльское ущелье, или Баб Аллан, «Аланские ворота») до Урала, в нашем случае, по общим условиям эволюции географических знаний, есть основание пред-

полагать именно предгорья Урала. Это как раз тот случай, когда мифологическая нагрузка образа помогает его географической локализации.

Влияние мифотворческой нарративной традиции заметно и в более поздних летописных источниках, в частности, в цикле сибирских летописей. Несомненно, что помещаемые «Румянцевским летописцем» между Московским государством и «Сибирской страной» «камене и горы превысокия зело, яко инем холмом до облак небесных досязати» [4. С. 32], – это вставной, чисто литературный образ, едва ли не дословно повторяющий стилистику начального русского летописания («суть горы..., имже высота, аки до небеси...») и, конечно, не имеющий отношения к условиям похода Ермака. В более полном прототипе «Румянцевского летописца» «Есиповской летописи» рассказ о переходе Ермака в Сибирь, подробно описывающий маршрут его движения по рекам («Идоша же в Сибирь Чюсовою рекою и приидоша на реку Тагил, и плыша Тагилом и Турою, и доплыша до реки Тавды»), совершенно умалчивает о прохождении им каких-либо гор [4. С. 51]. Во вступительной части той же летописи мы находим, однако, характеристику Урала, дополненную еще более архаичной, чем в «Румянцевском летописце», вставкой «... так бо Божиими судьбами устроись, яко стена граду утвержена» [4. С. 44]. Эта деталь описания прямо отсылает нас к мифическим представлениям средневековой географии об окружающей Ойкумену горной цепи.

Если же подозревать в основе летописных описаний Урала какую-либо реально-историческую основу, то она, вероятнее всего, могла восходить к серии походов московских ратей в Югорскую землю в XV в. – в первую очередь, к походу 1499 г. под предводительством князей Петра Федоровича Ушатого и Семена Федоровича Курбского. Содержащееся в отчете об этом походе описание Северного Урала – «Камня» («... а Камени в облаках не видити, а коли ветрено, ино облака раздирает; а длина его от моря до моря») [12. С. 199] напоминает более ранние сообщения летописей, но выглядит не в пример более реалистичным. Однако, вторая часть описания, характеризующая протяженность гор («а длина его от моря до моря»), представляет собой едва ли не самую большую историческую загадку. И.П. Магидович и В.И. Магидович однозначно трактуют это место в описании Северного Урала

как свидетельство того, что русским уже в то время была известна протяженность Уральского хребта от «Студеного» моря до «Хвалисского» (Каспийского), поскольку русские тогда не делили «Студеное» море на два различных бассейна (Баренцева и Карского морей) [11. С. 153]. Между тем, еще Г.Ф. Миллер, подробно разбирая в свое время это сообщение разрядных книг за 1501 г., отметил подобное предположение как совершенно невероятное и полагал, что правильнее эту часть описания истолковать в том смысле, что «горы тянутся с одного берега моря до другого» [12. С. 199]. И это предположение представляется на поверку более вероятным: независимо от того, подразделяли ли русские акваторию Ледовитого океана на отдельные моря или нет, врезанный массивом Пай-Хоя далеко на север Югорский полуостров, действительно, как бы формирует с запада и востока *два разделенных суши побережья моря*. Ссылка известных историков географии на составленную по русским источникам первой четверти XVI в. карту С. Герберштейна с изображением «Земного пояса» как на доказательство своей точки зрения не выглядит в этом свете вполне убедительным: показанный на этой карте укороченный горный хребет Урала отстоит от северного побережья Каспия очень далеко, заканчиваясь на широте Вятки и истоков Камы [17. Р. 69], т.е. захватывая только Полярный, Приполярный и Северный Урал – ту часть Уральской горной страны, которая стала известной русским благодаря походам новгородских ушкуйников и московских воевод. И.П. Магидович и В.И. Магидович сами отмечают, что для составителей «Книги Большому чертежу» (конец XVI – начало XVII вв.) еще было вполне чуждым восприятие Урала как единой горной страны. Наиболее высокий – северный – отрезок Уральского хребта, собственно и получивший название «Камня», еще никак не связывался ими с уже известными южными «Аралтовыми горами» (Уралтау), а сглаженная, часто вообще не замечаемая съемщиками средняя часть Урала едва ли вообще рассматривалась как непрерывная горная цепь [11. С. 212–213].

Целостное географическое видение Урала как протяженной горной системы возникает лишь на рубеже XVII–XVIII вв., хотя, как отмечал Е.В. Ястребов, даже в датируемой 1699–1701 гг. «Чертежной книге Сибири» С.У. Ремезова, который, кстати, первым ввел в оборот название «Урал», горный хребет еще изображен на

разных листах подразделяемым на отдельные участки – «камни», которые фигурируют под разными названиями: «Камен Урал», «Камень», «Оурал Камен», не считая еще более дробных обозначений [16. С. 45–47]. В подобном же виде предстает Урал в «Описании Сибири» (по списку Императорской публичной библиотеки) (конец XVII – начало XVIII вв.), где упоминается проход Ермака «степью» (!) до «камня Верхотурскаго», который «лежит от моря-океяна поясом до моря Хвалинского высок и широк зело...» [8. С. 369]. Здесь мы наблюдаем характерное совмещение в одном описании старого, соответствующего мировоззрению средневековья, еще фрагментарного видения географии Урала и попытки охватить фрагменты горной системы единством расширяющегося географического кругозора. Лишь это сочетание непосредственного опыта и закономерного обогащения общих научно-географических знаний окончательно вытесняет умозрительные, полумифические представления о восточных окраинах Европы. Однако, из всего вышесказанного можно предполагать, что последние на определенном этапе все-таки сыграли роль регулятивных идей, задающих направления развития географических знаний.

Источники:

1. Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях / Пер. С.А. Аннинского; отв. ред. Б.Д. Греков; Ин-т истории АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Xi.
2. Матузова В.И. Английские средневековые источники. IX–XIII вв. (тексты, перевод, комментарий). М.: Наука, 1979.
3. Московия и Европа / Г.К. Котошихин. П. Гордон. Я. Стрейс. Царь Алексей Михайлович. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000.
4. Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи / Отв. ред. А.П. Окладников, Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1987.
5. Полное собрание русских летописей. Т. 38. Радзивилловская летопись. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989.
6. Полное собрание русских летописей. Т. 43. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. М.: Языки славянской культуры, 2004.
7. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Пер. и коммент. под ред. И.Ю. Крачковского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939.
8. Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). Рязань: «Александрия», 2008.

Литература:

9. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников И.В.; Ин-т истории и археологии УрО РАН. М.: Наука, 2004.
10. Кнабе Г.С. Историческое пространство и историческое время в культуре древнего Рима // Культура Древнего Рима. М.: Наука, 1985. С. 108–166.
11. Магидович И.П., Магидович В.И. История открытия и исследования Европы. М.: Мысль, 1970. 453 с. с ил. и карт.
12. Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, дополн. Т. I. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 630 с.: ил., карта.
13. Ратцель Ф. Земля и жизнь. Сравнительное землеведение / Под ред. П.И. Кротова. Т. I. СПб.: Товарищество «Просвещение», 1905. xix, (Серия «Всемирная география»).
14. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. I. История России с древнейших времен. Т. 1–2 / Отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев; Вступ. ст. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриева. М.: Мысль, 1988.
15. Ткаченко Г.А. Культура Китая: Словарь-справочник. М.: ИД «Муравей», 1999.
16. Ястребов Е.В. Уральские горы в «Чертежной книге Сибири» Семена Ремезова // Вопросы истории естествознания и техники. Вы. 1 (38). М.: Наука, 1972. С. 44–49.
17. Bagrow, Leo. A History of the Cartography of Russia up to 1600 / Ed. by H.W. Castner. Wolfe Island, Ont.: The Walker Press, 1975. xv, 139 pp.
18. Lebling R. Legends of the Fire Spirits. Jinn and Genies from Arabia to Zanzibar/ With foreword by Tahir Shah. L.; N.Y.: I.B. Tauris & Co., Ltd., 2010. xvii, 299 pp.
19. Mackinder H.J. Britain and the British Seas. L.: William Heinemann, 1902. xvi, 377 pp. (Series: Regions of the World).
20. Róheim, Géza. Hungarian and Vogul Mythology. Locust Valley; N.Y.: J.J. Augustin Publisher, 1954. x, 86 pp.
21. Streck M. Kaf // E.J. Brill's First Encyclopaedia of Islam, 1913–1936 / Ed. by M.Th. Houtsma, R. Hartmann, T.W. Arnold. Vol. IV. Leiden: E.J. Brill, 1993 (reprint). P. 614–617.